

Наказание и прощение

Трэвис Холлоуэй*

Аннотация

Наша планета впервые за примерно 11 500 лет вступила в эпоху нестабильности. Биологи предупреждают о «шестом массовом вымирании», а геологи подтверждают, что мы давно покинули голоцен — период в истории Земли, когда люди и не-люди могли процветать вместе (holos). Мы больше не представляем себе безопасного и возвышенного убежища от «природы», как Кант или Шелли. Мы сталкиваемся с мощными штормами и приливами водорослей, подобно маятникам, запущенным нашим видом, которые теперь раскачиваются в обратную сторону с собственной силой. Культурно и философски мы обмениваем наши лирические признания о земле на апокалиптические эпосы, разворачивающиеся в космическом пространстве и глубоком времени. Мы думаем о том, где будем жить, в зависимости от таяния ледников. Мы измеряем критические пороги содержания углерода в воздухе. И мы говорим о конце света как о чём-то обыденном.

Введение: Эпоха нестабильности

На грани экологической катастрофы повсюду возникают попытки создать новый фронт — полёты и отбытия, которые, подобно спутнику или средневековой теологии, обещают выбросить нас из этого мира. Всплывает реклама в Instagram с одиноким белым мужчиной, сидящим в позе лотоса перед голыми янтарными плато американского Юго-Запада. Другая реклама по дороге на работу приглашает меня стать «пионером» на «новом фронтире». Илон Маск. Фестиваль Fyre. И, конечно, правительства, которые давно оставили своих избирателей и планету. «С 1980-х годов, — описывает Бруно Латур, — правящие классы... пришли к выводу, что на Земле больше нет места для них и для всех остальных... Они перестали претендовать на лидерство и начали укрываться от мира. Мы переживаем все последствия этого бегства, символом которого является Дональд Трамп...» От ураганов до пандемий многие теперь осознают,

что наши нынешние правительства, вероятно, не предотвратят следующую катастрофу, а в некоторых случаях даже не попытаются спасти нас от неё. Нам самим предстоит начать что-то новое.

Философия перед лицом катастрофы

Может ли философия помочь нам отреагировать до катастрофы? Может ли она помочь нам лучше реагировать в разгар катастрофы? Может ли она поднять этот момент до уровня мысли таким образом, чтобы обострить наше понимание, затронуть нас и ввести возможность другого будущего?

Я считаю, что одна из критических задач, стоящих сегодня перед философами, — серьёзно заняться периодизацией новой геологической эпохи перед нами, так называемого «Антропоцена», и предложить контрастный нарратив, контр-историю того, что означало быть «человеком» в эту эпоху. Подобно геологам, пытающимся датировать и описать рождение эпохи Антропоцена, фи-

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА

Наказание и прощение Трэвис Холлоуэй

лософы обладают инструментами периодизации и исторического описания, которые заставляют их рассказывать историю *anthrōpoi* совершенно иным образом. Философские генеалогии с подозрением интерпретируют господствующие исторические нарративы, ищут альтернативные разрывы или переходные события и различают тех, кто обладает властью, и тех, кто её лишён. И в то время как господствующие нарративы об истории часто оставляют нас с ложным, парализующим чувством, что вне их не существует ни прошлого, ни будущего, контр-истории направляют нас к событиям и образам жизни, внешним по отношению к этим нарративам. В конечном счёте, я предлагаю здесь определённое философское наследие Антропоцена, которое переприсваивает или детурнирует его преобладающий нарратив — с надеждой, что это может привести к другому будущему.

Контр-история «человека» в Антропоцене

Моё конкретное вмешательство заключается в наброске генеалогии или контр-истории того, что означало быть «человеком» и его другим в эпоху Антропоцена. До сих пор преобладающий нарратив Антропоцена, выдвинутый атмосферными химиками, стратиграфами и историками, фокусировался на экологическом воздействии и ответственности людей как тотальности или вида. Этот нарратив обвиняли в затемнении того, каким образом «человек» исторически дифференцировался с точки зрения власти, подчинения и ответственности. Прежде всего, он рассказывал якобы универсальную историю «человека» с точки зрения Европы и Глобального Се-

вера и полностью опускал перспективу того, что Сильвия Уинтер однажды назвала «Человеческим Другим». Используя ресурсы генеалогии и исторических способов мышления, я предлагаю контр-исторический нарратив антропогенных событий. Этот проект раскопал бы непризнанный архив — колонизации, рабства, плантаций, ископаемого капитализма, гетеропатриархата, войны и других сцен власти и подчинения — в геологических слоях Земли. Например, с XV по XVII века геноцид коренных народов Америки и лесовосстановление их земель фактически зарегистрированы неожиданным снижением содержания углекислого газа в ледяных ядрах того же периода. Что ещё мы можем задокументировать или узнать таким образом?

Потенциал и ограничения нарратива Антропоцена

То, что предлагает нарратив Антропоцена, чрезвычайно соблазнительно в другом отношении: в неолиберальной культуре самости он описывает человеческие существа как коллектив. Он обладает потенциалом ввести глубокое чувство времени и событий после так называемого «конца истории». Это включает эсхатологию, которая дополнительно коллективизирует, историзирует и политизирует публику перед угрозой изменения климата, предлагая то, что некоторые считают новым подходом к солидарности в то время, когда солидарность было трудно найти или создать. Контр-история человеческих существ необходима, чтобы переписать эту историю с субалтерными историями и антропогенными событиями и лучше определить различные культурные,

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

исторические и политические процессы, которые привели нас в это место.

Философы иногда забывают, что рассказывание истории — это тоже концепт, особенно истории. Одна причина для рассказа этой конкретной истории — исправить нарратив Антропоцена, прояснить, кто и что несёт ответственность за этот якобы универсальный «век человека», в попытке лучше на него отреагировать. Другая, менее очевидная причина — подумать о том, почему сегодня кажется важным рассказывать этот тип истории, эпос, и заняться вопросом о том, как мы должны его рассказывать. Нарратив Антропоцена не начинается с моей собственной субъективной жизни, так же как археологии и генеалогии, как сказал Мишель Фуко в «Археологии знания», «не спрашивают, кто я есть, и не просят меня оставаться тем же самым», но предлагают нам «метод исторического анализа, освобождённый от антропологической темы». В эпоху капитализма, зависящего от «само-капитала», эта история предлагает нам поэтику не индивидуального приключения, исповеди или самоанализа, а историю, политику и всего, что нас окружает, включая всё то, чем я не являюсь. Эта поэтика имеет потенциал помочь нам увидеть экологические проблемы не только через призму частных забот или индивидуальной моральной ответственности, но в терминах всей биосферы и в терминах тех коллективных действий, которые мы должны предпринять, если хотим найти выход из Антропоцена.

Рождение концепции Антропоцена

Мы живём в исторический период, который определяется, якобы, тем, что значит быть человеком. Если «Письмо о

гуманизме» Хайдеггера и «Слова и вещи» Фуко прояснили «конец человека» в теории, культуре и искусстве, то недавние книги, такие как «Sapiens» Ювалы Ноя Харари, «Шестое вымирание» Элизабет Колберт или «Великое помешательство» Амитава Гхоша, повествуют эпос о том, что исторически означает принадлежать к человеческому виду. Удивительно, но не писатели или кинематографисты, а геологи представили самый заметный и доступный нарратив об этом «веке человека». Их история начинается после последнего ледникового периода, или около 11 500 лет назад, когда Земля вступила в относительно стабильный климатический период, известный как голоцен, в котором человеческая цивилизация смогла процветать в умеренном климате вместе с остальной частью Земли.

Затем на февральском заседании 2000 года Международной программы геосфера-биосфера лауреат Нобелевской премии атмосферный химик Пол Крутцен предложил, что мы живём в новом эпосе: «Мы больше не в голоцене, а в Антропоцене!» В статье, опубликованной в том же году под названием «Антропоцен», Крутцен и эколог Юджин Ф. Стоермер утверждали, что мы вступили в новую, доминируемую человеком геологическую эпоху в истории Земли; они предположили, что эта геологическая шкала времени началась с изобретения парового двигателя (и его использования ископаемой энергии). К 2016 году группа видных геологов официально заключила, что Земля вступила в новую эру, «Антропоцен», названную так потому, что это эпоха, определяемая воздействием человека на планету.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА*

Критика универсального «мы»

Имя и нарратив, которые Стоермер и Крутцен наложили на эту новую шкалу времени — Антропоцен, век людей или *anthrōpoi* — определяют наше понимание его истории, приписывая её человеческому виду как тотальности. В знаменательном эссе 2009 года под названием «Климат истории: четыре тезиса» историк и постколониальный теоретик Дипеш Чакрабарти поддержал импликации этого коллективного человеческого «мы» в контексте истории и гуманитарных наук. Существует, писал Чакрабарти, «возникающая, новая универсальная история людей, которая вспыхивает в момент опасности, которой является изменение климата». Для Чакрабарти возникло новое чувство истории, которое «возникает из общего чувства катастрофы» и ставит «вопрос о человеческой коллективности, о нас» при входе в век человека или «Антропоцен». Это включало мышление о людях как о коллективной «геологической силе». Другие, такие как прославленный индийский автор Амитав Гхош, подтвердили позицию Чакрабарти, написав: «Антропогенное изменение климата... является непреднамеренным следствием самого существования человеческих существ как вида... Глобальное потепление в конечном счёте является продуктом тотальности человеческих действий во времени», и «каждый человек, который когда-либо жил, сыграл в этом свою роль».

Однако, как утверждают Кристоф Боннэй и Жан-Батист Фрессо в «Шоке Антропоцена», «Антропоцен» Крутцена и «универсальная история людей» Чакрабарти переписали и придали силу богатому, белому, евроцентричному и ревизионистскому нарративу истории. Преж-

де всего, нарратив Антропоцена представлял «абстрактное человечество, равномерно вовлечённое... и равномерно виновное» в катастрофическом изменении климата. Между тем «Чакрабарти, — писали они, — бывший марксистский историк и ведущая фигура в исследованиях субалтернов, объяснил, что основные критические категории, которые он ранее применял для понимания истории, устарели во времена Антропоцена... Помещая человечество в нарратив как универсального агента, безразлично ответственного, [Чакрабарти отказался] от сетки марксистского и постколониального прочтения в пользу недифференцированного человечества». Геологическое действие человеческого вида, утверждали они, «является продуктом культурных, социальных и исторических процессов», и по этой причине «недифференцированный *anthrōpos* как причина нового геологического режима Земли едва ли достаточен».

В другом месте Кэтрин Юсофф в своей книге 2018 года «Миллиард чёрных Антропоценов или ни одного» утверждала, что нарратив Антропоцена — это «Белая геология» в чистом виде. Что необходимо, писала она, — это «возмещение Белой геологии Антропоцена», которая нейтрализует, консолидирует власть и восстанавливает «невинность» под своим именем. «Быть включённым в «мы» Антропоцена — значит быть заглушённым притязанием на универсализм, который не замечает своих подчинений», — утверждала Юсофф. «Антропоцен может казаться предлагающим дистопическое будущее, оплакивающее конец света, — писала она, — но империализм и продолжающиеся (поселенческие) колониализмы заканчивали миры столько, сколько они существуют».

Юсофф показала, что быть чёрным и подчинённым означало принадлежать к сфере нечеловеческого, а не быть агентом века человека или «Антропоцена». Она представила контр-историю, «Чёрный Антропоцен», которая повествует о разделении между человеческим и нечеловеческим и рассказывает истории нечеловеческого.

Альтернативные наименования и датировки

В конечном счёте, эти критические замечания только усилили ощущение, что на нас надвигается новая эпоха — та, что обладает потенциалом коллективизировать, историзировать и политизировать нас во что-то большее, чем неолиберальная культура самости. Иными словами, есть ощущение, что эта эпоха может инициировать сдвиг в нашей поэтике от индивидуальной жизни, литературной исповеди и «человеческого капитала» к океанам, которые нас окружают, и историям под нашими ногами. После десятилетий неолиберального правления и экономического индивидуализма, могли бы мы разбить бетон нашей культуры самости и восстановить публичные сферы, включающие нечто вроде того, что Мишель Серр называет «естественным контрактом»? Смогли бы мы на этот раз построить такие миры, которые не разрушают чей-то другой мир и не делят мир на две части? Моя ставка заключается в том, что этот проект начинается, по крайней мере частично, с контр-истории, которая архивирует формы жизни, колонизированные и подчинённые тем, что европейцы считали означющим быть «человеком».

Как рассказывать историю Антропоцена?

Как нам более точно рассказать историю о том, как человеческие существа породили Антропоцен? Некоторые считают, что лучший нарратив начинается с имени, названия истории. «Именование может... быть покрывалом», — пишет Кэтрин Юсофф. Ни больше ни меньше, как «история Земли поставлена на карту» в этом имени, добавляет Донна Харауэй. «Несомненно, такое преобразующее время на Земле не должно называться Антропоценом!» — пишет она.

Для многих имя «Антропоцен» подразумевает универсального, недифференцированного и одинаково ответственного *anthrōpos*. В качестве альтернативы Анна Цзин вместе с другими предложила имя «Плантациоцен» для описания развития, которое объединило колониализм, рабство, капитализм, гетеропатриархат и белое превосходство, чтобы осуществить новый вид контроля над землёй. Боннэй и Фрессо предлагают множество альтернативных имён, таких как «Танатоцен», который начал бы эту историю как век войны, или «Англоцен», поскольку Великобритания и США составляли 57 процентов всех выбросов ещё в 1950 году. Харауэй, среди прочих, утверждала, что «если бы мы могли иметь только одно слово для этих... времён», «несомненно, это должен быть Капиталоцен».

Именование, конечно, также является попыткой датировать и описать что-то в момент его рождения, или то, что в философии называется генеалогией. Подобно стратиграфам, которые ищут «Золотые гвозди», начинающие геологические эпохи (например, сельскохозяйственная революция, рождение па-

Наказание и прощение Трэвис Холлоуэй

рового двигателя и т.д.), философы, такие как Ницше, Фуко и другие, давно научили нас искать события, разрывы или разрывы непрерывности, указывающие на переход от одного периода к другому. Если геологи называют основными антропогенными событиями или «Золотыми гвоздями» «Колумбов обмен», начало ядерной эры или всплеск населения середины XX века, известный как «Великое ускорение», то Кэтрин Юсофф предоставляет нам контр-историю этих периодов, напоминая нам, например, что Христофор Колумб вёз рабов во своём втором путешествии в Америку, и что США проводили ранние ядерные испытания на Маршалловых островах именно потому, что США не считали коренное население там полностью человеческим.

Новые концептуальные инструменты

В дополнение к оспариванию нарратива Антропоцена и предложению контр-исторического нарратива антропогенных событий, включающего теневые архивы нечеловеческого, философы также разработали ряд концепций, особенно полезных для определения того, что спровоцировало эту новую геологическую эпоху. Работы Харауэй переполнены новыми концепциями, такими как «твари» или «родня», определённые как собратья «земляне... в самом глубоком смысле», с которыми мы «делаем-вместе, становимся-вместе, составляем-вместе». Юсофф вводит понятие «геосоциального», или того, как расовые, гендерные, сексуальные и классовые различия вписаны в слои земли. В другом месте Квентин Мейясу породил концепции, такие как «великая внешность»,

определённая как «внешнее, которое не было относительным к нам»; «археископаемое», которое указывает на «существование предковой реальности... которая предшествует земной жизни»; или «фактиальность», которая, по его предположению, означала бы «знать, что есть, когда нас нет».

Концепции, подобные этим, очищают зеркала заднего вида и обнажают слепые пятна современной философии, и они являются вылазкой на новые пути для мысли и искусства в эту эпоху. Как замечает Харауэй, что эта новая эпоха наконец делает неоспоримым, так это то, что «человеческая исключительность и ограниченный индивидуализм, те старые законы западной философии и политической экономики, [стали] немислимыми». Мы больше не можем притворяться «хорошими индивидами в так называемых современных западных сценариях, действующими в одиночку». Точно так же Мейясу критикует неудачи «корреляционизма» после Канта, который он описывает как, цитируя феноменолога, когда «мир является миром лишь постольку, поскольку он является мне как мир»; другими словами, когда нет реальности, существующей независимо от меня, субъекта.

Наследие термина «Антропоцен»

Вместо переименования «Антропоцена» я предлагаю определённое философское наследие этого термина: контр-историю *anthrōpos* (и его другого) для рассматриваемой антропогенной шкалы времени, то есть, в какой-то момент за последние 550 лет или около того. Фуко предложил нам один рассказ об изобретении «человека» в «Словах и вещах», или то, что он назвал «археологией гу-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА*

Наказание и прощение Трэвис Холлоуэй

манитарных наук». В другом месте Розы Брайдотти напомнила нам, что идея человека от Ренессанса до XIX века всегда была особой идеей человека: «мужчина... предполагаемый белым, европейцем, главой гетеросексуальной семьи и её детей, и трудоспособным... полноправным гражданином признанного государства». Однако именно Сильвия Уинтер расово и контекстуализировала это понятие человека в контексте его колониального другого, наметив траекторию для размышления о том, что она называла «Человеческим Другим».

Уинтер писала: «новый «порядок идей»... осуществляемый динамикой отношения между Человеком... и его подчинёнными Человеческими Другими (т.е. индейцами и неграми)... должен был быть приведён в существование как основополагающая основа современности». Она продолжила: «[И]менно дискурсы этого знания, включая центральные антропологии, будут функционировать, чтобы конструировать всех неевропейцев... как физический референт... его иррационального или подрационального Человеческого Другого к его новому «описательному утверждению» Человека как политического субъекта». Согласно Уинтер, «преобразование Западом коренных народов Америки/Карибского бассейна (культурно классифицированных как индейцы, *indios/indias*), вместе с группой населения порабощённых народов Африки, перевезённых через Атлантику (классифицированных как негры, *negros/negras*)... того Человеческого Другого... якобы единственного нормального человека, Человека».

Для меня одни из самых убедительных пассажей «Миллиарда чёрных Антропоценов или ни одного» — это моменты-

призывы, когда Юсофф опирается на эту концепцию в контексте Антропоцена, объясняя, что быть чёрным, коренным или порабощённым в эти годы означало выпадать из человеческого или *anthrōpos*. Это было разделение между человеческим и нечеловеческим, утверждает она, которое мы можем зарегистрировать уже в 1493 году или во втором путешествии Колумба, на котором он вёз рабов, что должно начать — если что-то должно начать — эпоху *anthrōpos* или Антропоцена.

Заключение: Наследие и ответственность

В контексте дебатов об Антропоцене мы должны слушать Уинтер и Юсофф и других, поскольку они контекстуализируют то, что означало быть человеческим существом и когда. Для Юсофф это означает повествование «контр-истории геологических отношений», которая рассказывает историю воздействия *anthrōpoi* на нечеловеческое. Возможно, всё, что мы можем ожидать от этой контр-истории, — это задокументировать то, что произошло, снять груз вины с тех, кто не был ответственен, или даже создать спекулятивную капсулу времени для конца света. Но можно надеяться, что такая генеалогия также сможет снова отреагировать на историю, произвести ассамбляжи, которые восстановят нашу культуру самости, и начать борьбу за то, что Жан-Люк Нанси назвал жизнью «всех живых вместе».

Вероятно, эта эпоха усилит наши диспропорции и сделает все наши проблемы гораздо хуже. Но также возможно представить, перед лицом этой катастрофы, создание более справедливых и равноправных миров. Может ли жизнь у

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

Наказание и прощение Трэвис Холлоуэй

дверей такого кризиса заставить нас изменить то, как мы относимся друг к другу и к Земле? Может ли она коллективизировать и политизировать нас во что-то большее, чем неолиберальная культура самости, и что-то меньшее, чем укоренившиеся границы и национальные идентичности? Какую роль может сыграть в этом философия? Как однажды написал Жак Деррида в «Продвижениях»:

Нам предстоит заставить мир выжить... заставить то, что мы неадекватно называем человеческой землёй, вы-

жить, землю, которую мы знаем конечной и которая должна истощиться в конце. Но «нам» придётся изменить все эти имена, начиная с «наших»... имён, которые настигнут нас больше, чем мы выберем их.

Как же тогда философы могут унаследовать имя «Антропоцен»? Ибо, как сказано в другом месте, даже если мы можем выбрать быть «делегатами этого слова», «[мы] ещё не знаем, что мы унаследовали».

* Трэвис Холлоуэй — поэт, переводчик и доцент философии в SUNY Farmingdale. Он живёт в Нью-Йорке и часто пишет о политике, искусстве и экологии. Он со-переводчик двух книг Жан-Люка Нанси и соавтор «Занимая Уолл-стрит: Внутренняя история действия, которое изменило Америку».

*Перевод статьи Трэвиса Холлоуэя «A Genealogy for the End of the World», 2025

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

